

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

«ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА» ГУЗЕЛИ ЯХИНОЙ – РОМАН О ВОЗВРАЩЕНИИ

Э.Ф. ШАФРАНСКАЯ

Московский городской педагогический университет

В статье поднимаются историко-этические вопросы, связанные с раскулачиванием и выселением людей с родных мест в тридцатые годы XX века. В романе Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза», рассмотренном в контексте литературы XX века, содержатся символические имена-концепты, их мифопоэтика: антропонимам Зулейха и Юсуф и топониму Семрук – уделено главное внимание в содержании статьи.

Ключевые слова: Гузель Яхина, Юсуф, Зулейха, Симург, мифопоэтика.

Из всех приемов художественного произведения заголовочно-финальный комплекс наиболее полно выражает авторскую концепцию. Последняя глава романа Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» называется «Возвращение». Откуда и куда случается возвращение? Возможно, перед читателем метафора? Эти вопросы – главная интрига романа.

Предварим разговор о дебютном романе Гузели Яхиной, удостоенном в 2015 г. литературной премии «Большая книга», отрывком из другого произведения – «Хлеб для собаки» (1969) Владимира Тендрякова.

«Лето 1933 года.

У прокопченного, крашеного казенной охрой вокзального здания, за вылушенным заборчиком – сквозной березовый скверик. В нем прямо на утопанных дорожках, на корнях, на уцелевшей пыльной травке валялись те, кого уже не считали людьми. <...> Большею частью это раскулаченные мужики из-под Тулы, Воронежа, Курска, Орла, со всей Украины. Вместе с ними в наши северные места прибыло и южное словечко “куркуль”.

Куркули даже внешне не походили на людей.

Одни из них – скелеты, обтянутые темной, морщинистой, казалось, шуршащей кожей, скелеты с огромными, кротко горящими глазами.

Другие, наоборот, туго раздуты – вот-вот лопнет посиневшая от натяжения кожа, тела колышутся, ноги похожи на подушки, пристроенные грязные пальцы прячутся за наплывами белой мякоти.

И вели они себя сейчас тоже не как люди. <...>

Больше всего походили на людей те, кто уже успел помереть. Эти покойно лежали – спали. <...> Взрослые обходили скверик» [12].

Вот эти раскулаченные, «куркули», стали персонажами романа Яхиной. В отличие от тендряковских куркулей, не доехавших до места, яхинские – доехали. Из Казани и Ленинграда – до сибирской тундры, до безымянного мес-

та. Из нескольких сотен – тридцать человек, вместе с надсмотрщиком. Доехали – и по-робинзоновски, без топора, начали обживать место, куда не ступала нога человека.

Роман Яхиной сконструирован в парадигме «жить стало лучше...» (так сделан акцент на витальности человека – несмотря ни на что; с другой стороны, читательское восприятие вступает в противоречие с позицией повествователя, его инфантилизмом): вот и избы появились вместо землянки, и меню стало разнообразнее, и свободы прибавилось. В подтексте читается: кем бы стала Зулейха, героиня романа, жена татарского кулака, останься она в своей Татарии, – а здесь, в Сибири, она «открывает глаза».

При чтении романа узнаваема цитация предшествующей литературы.

Рецензенты отмечают, что «председатель сельсовета Денисов – калька с шолоховского Семена Давыдова <...> профессор Лейбе... напоминает профессора Павла Алексеевича Кукоцкого. А сама зеленоглазая Зулейха так и вовсе похожа то на Скарлетт О`Хару времен голода и лесопилки...» [1].

Переключки не только в персонажах, но и в сценах. Человеконенавистническое раскулачивание, бандитский грабеж трудолюбивых крестьян в романе Яхиной схожим образом изображен у Исаака Бабеля в рассказе «Колывушка» (1930). Иван Колывушка, узнав, что его изба и хозяйство подлежат экспроприации, крушит всё, чтобы не досталось никому: забивает любимую кобылу. С этой сценой рифмуется фрагмент из романа Яхиной, когда Муртаза, муж Зулейхи, разрубает корову с ласковым именем Кюбелек (Бабочка).

Из «Колывушки»:

«Дом твой под реманент забирают...

– А меня?..

– Тебя на высылку...

<...> Во дворе у Ивана стояла запряженная лошадь. <...> У погнувшейся липы посреди двора стоял пень, в нем торчал топор. <...> Удар пришелся между глаз, в рухнувшем животном еще раз повернулся жеребенок. Описав круг по двору, Иван подошел к сараю и выкатил на волю веялку. Он размахивался широко и медленно, разбивая машину, и поворачивал топор в тонком плетении колес и барабана» [2: С. 160–161].

Из «Зулейхи...»:

«Не отдам, – мычит с набитым ртом. – В этот раз – ничего не отдам. <...> Муртаза выскакивает на улицу в распахнутом на груди кульмэк, с непокрытой головой. Озирается, грозя разыгравшейся метели топором. <...> Муртаза и Кюбелек стоят посередине двора – лоб ко лбу. <...> ...Достаёт из-за спины топор и обухом шибает Кюбелек меж больших влажных глаз с длинными ресницами. Корова с тихим глубоким вздохом валится на землю... <...>

– Вот вам – реквизиции в шестнадцатом! – Муртаза перерубает кости легко, как ветки. – Продуктовые армии в восемнадцатом! Десятинадцатом! Двадцатом! Вот вам сыпка! Вот вам продуктовый налог! Вот вам хлебные излишки! Возьмите! Если! Сможете!» [15: С. 59–64].

Лагерь раскулаченных, куда попадает Зулейха, своего рода срез советского общества со всеми социальными слоями: «бывшие», или дореволюционная интеллигенция, крестьяне, рабочие, маргинал-уголовник; многонациональная среда, как и сам СССР. Комендант подсчитал «все национальности, обитающие в Семруке, – девятнадцать штук получилось. Теперь, значит, еще две» [15: С. 457–458]: в ангарский поселок прибыли крымские греки и татары, «Басурман депортировали с южных территорий превентивно...» [15: С. 457]. Однако иноэтнокультурный текст в романе представлен именно татарский, который складывается вокруг главной героини, выражен бытовыми и рефлексивными – мусульманскими – фрагментами, мифологическими вкраплениями (мир Зулейхи – мир татарской демонологии).

Если линейно выстроенный сюжет – в виде травелога и робинзонады – не вызывает никаких сложностей в его постижении, то отдельного разговора заслуживает метатекст романа.

Место сибирского поселения раскулаченных и лишенных в правах переселенцев – безымянно. К коменданту приходит переговорщик и предлагает дать поселку имя. Остановились на мудреном для постороннего, но понятном для своих варианте: «Семь рук» – руки четырех главных спасителей и добытчиков (один из них – однорукий): «Четыре человека, спасшие наши жизни этой зимой, стоят того, чтобы их именем был назван поселок» [15: С. 341]. Машинистка сделала ошибку, пропустив мягкий знак, а наборщик удалил пробел, приняв его за ошибку, – так возник Семрук. Получилась контекстуальная огласовка сказочной птицы из татарского фольклора – Семруг, больше известной в мировой мифологии под именем Симуург.

Как в фольклорно-мифологическом сюжете о могущественной птице Симуург, под покровительство и заботу которой хотят попасть все прочие птицы (см.: [6]): она дарует жизнь, путь к ней долог и труден, из идущих к ней попали только тридцать птиц, так и тридцать поселенцев обрели возможность жить, пройдя те же семь препятствий, испытаний, что и сказочные птицы, – «долины» исканий, любви, познания, безразличия, единения, смятения и отращения. Эта инициация стала поиском смысла жизни, способностью обреченного на смерть человека к выживанию.

Собственно птицы в романе Яхиной упоминаются как детали обыденной жизни переселенцев: первой спасительной пищей сибирских робинзонов стали тетерева, далее пошли «рябчик и селезень с уткой» [15: С. 402]. Однако вскоре легкая добыча для пропитания закончилась: то ли птицы приноровились увертываться от охотника, то ли почти всех отстрелял комендант Игнатов.

В фольклорно-литературном метатексте о птице Симуург значима деталь – упавшее птичье перо как волшебный знак благословения. «Никому не было дано увидеть Семруга – ни зверю, ни птице, ни человеку. <...> Когда-то, пролетая над далекой страной Китай, уронил Семруг одно перо – и весь Китай оделся сиянием, а сами китайцы превратились в искусных живописцев» [15: С. 399].

Благодать в виде пера, или перьев, коснулась и сибирского поселка Яхиной. Не потому ли повествователь так часто упоминает о перьях – вне метатекста вряд ли уместных. «Мягкие тельца взрываются фонтанами черных перьев...» [15: С. 236], «Зулейха <...> выдергивает из мягкого и податливого птичьего тельца перья» [15: С. 243], «Соберите лучше перья, – говорит Зулейха. – Пригодятся» [15: С. 244], «Зулейха открывает глаза. Солнечный луч пробивается... ползет... по цветастой бязевой подушке, из которой торчат черные хвостики тетеревиных перьев...» [15: С. 386], «Дверь на кухню с треском захлопнулась; в воздухе осталось парить отливающее изумрудом перо» [15: С. 403].

Остановимся на семантике имен главной героини и ее сына. Их имена пришли из мировой мифологии, имя Юзув – вариант огласовки: коранического имени Юсуф/Йусуф и библейского Иосиф. Юсуф – прекрасный юноша, наделенный талантами, добродетелями и красотой. Двенадцатая Сура Корана, посвященная Йусуфу, гласит: «Когда Йусуфу зрелый возраст подошел, / Ему мы даровали знание и мудрость, – / Так воздаем Мы тем, кто делает добро» [4: С. 266].

Мифологический Юсуф, прошедший через ряд испытаний (см.: [9: С. 226; 10: С. 601]), отзывается в судьбе Юзуфа, героя Яхиной: не раз он оказывался на грани между жизнью и смертью. «Так твой Господь избрать тебя намерен: / Тебя научит толковать события и сны...» [4: С. 265] – говорится о мудрости Юсуфа в Коране. «Понимать и разъяснять суть вещей, обладая пророческим даром, даром предвидения» [4: С. 710] – черта Юсуфа, отмеченная комментатором Корана. Эта свойство оборачивается в образе Юзуфа Яхиной устремлениями, объяснимыми временем и местом: «В газетах на агитационной доске иногда появлялись заметки и даже целые статьи про совершенные побеги из тюрем и лагерей. <...> Юзуф знал – его не поймут. <...> Как раз к вступительным экзаменам успеет. <...> Юзуф знал – его обязательно примут. <...> Денег на проезд не было. <...> Юзуф знал – ему повезет. <...> Решил: точно убегу. Знал – убежит. <...> Юзуф не знал, что делать с матерью, – это было, пожалуй, единственное, чего он не знал» [15: С. 486–489] (курсив наш. – Э.Ш.). Повторенные рефреном фразы акцентируют избранничество Юзуфа: он наделен особым знанием, предчувствием, предвидением.

Юзуф, поначалу сибирский Маугли, получает «домашнее» лагерное образование: старшие друзья – его добровольные учителя. Доктор Лейбе, увидев в мальчике продолжателя своего дела, растолковал ему скелетно-мышечную систему человека. Однако у Юзуфа другие планы: почувствовав себя художником, он хотел научиться рисовать человека, знать, как он устроен. «Юзуф, не сводя замороженного взгляда с доктора, принялся ощупывать свои коленки, щиколотки, ребра. – Вот здесь, – доктор взял Юзуфа за тощее запястье, – локтевая кость, ulna. Дальше – humerus, плечо. Clavicula, costae...» [15: С. 417].

О родине предков – татарском Юлбаше – Юзуф узнает от Зулейхи, о Ленинграде – от Изабеллы, она называла его Петербургом, а Иконников –

Петроградом. Художник Иконников, помимо уроков мастерства, дал Юзуфу визуальное знание практически о всех нишах внелагерной жизни. «Что на картине видишь, спрашиваю? – Реку... Неву. – Ну? А еще? – Дома каменные. – Ну? – Набережную. Людей. Деревья. Чаек. Рассвет. – Еще!» [15: С. 409–410]. Так Юзуф узнает Сену, Лазурные берега, Большую Неву, Стрелку Васильевского острова, Ораниенбаум.

Изабелла обучила его французскому языку, французским пословицам: «Чтобы дойти до цели, человеку нужно только одно – идти» – поговорка, ставшая для него главной. И Юзуф решился – бежать, учиться в Ленинграде. Было лишь одно препятствие – мать, Зулейха. Итак, Юзуф и Зулейха.

Почему Яхина назвала своих персонажей такими именами, несущими сквозь века словесности несколько иной смысл? Пара *Юсуф и Зулейха* – библейская и кораническая – символизирует страсть женщины, соблазн красивым юношей («Но та¹, в чьем доме пребывал он, / Решилась совратить его, / И двери заперла...» [4: С. 267]), который выстоял в этом поединке: этические запреты были для него превыше чувств.

Зулейха у Яхиной – мать, беззаветно любящая сына, отъезд которого был бы для нее катастрофичен. «...*Зулейка* – это любящая, которая должна учиться отрекаться от своей любви» [5: С. 750]. И она переломила себя: добыла метрики для сына и проводила его в дальний путь, в неизвестность.

Однако не только этой – материнской – стороной предстает читателю Зулейха, но и традиционной, издавна известной не только на Востоке. У Иоганна Вольфганга Гете в «Западно-восточном диване» прототипом Зулейки стала его возлюбленная, Марианна Виллемер.

Что Зулейка в Юсуфа влюбилась,
Тут хитрости нет;
Он был юным, а юный приманчив расцвет,
Он красавец, твердила молва слово в слово,
А ее красота осчастливит любого
[3: С. 68].

Ни один восточный поэт не обходился без упоминания этой символической пары. Узбекская поэтесса Надира: «Как горько мне одной страдать, томясь в разлуке Зулейхой, / Тому, чья красота под стать Юсуфу самому, скажи» [7: С. 29]; «Разве Зулейха могла бы без Юсуфа жить...» [7: С. 29].

Узбекская поэтесса Увайси: «Не ставши рядом с Зулейхою, слов о любви не говори, / Сродни Юсуфу будь красою: в огне любви палим, учись» [13: С. 107].

Уйгурский поэт Билал Назым: «Я – Иосиф твой Прекрасный. За своею Зулейхой / Шел вперед я и ни разу не попятился назад» [8: С. 67].

Узбекский поэт Закирджан Фуркат: «Мои соперники, как у Юсуфа Зулейха, / За красоту твою готовы дать залог» [14: С. 47]; «Откуда гордому Юсуфу постичь страданья Зулейхи...» [14: С. 47].

К устойчивым образам Зулейхи и Юсуфа обращается не только литература Нового времени, но и Средневековья: «Эти мальчики – мои сыновья, а обиженная женщина – моя законная жена. Их отобрали у меня силой. Но божий про-

мысел предрек вернуть мальчиков, словно Юсуфа, а мою законную жену, подобно Зелихе², увели под угрозой смерти» [11: С. 152].

Тем убедительнее выглядят эти мифологические образы в романе XXI века, особенно образ Зулейхи, имя которой вынесено в заглавие романа: сохраняя традиционный смысл, образ поворачивается новой гранью.

Случилось ли возвращение? Юзуф ли вернулся туда, где никогда не был? Зулейха ли обрела душевный покой? Решать читателю. В любом случае роман возвращает к страницам истории, которые однозначно были и забывать которые преступно.

Примечания

¹ Зулейха – жена хозяина дома, вельможи Фараона (комментарий Иман Валерии Пороховой; см.: [4: С. 711]).

² Зелиха – одна из огласовок имени Зулейха. «Зелиха – по Корану, имя жены египетского вельможи, пытавшейся соблазнить Юсуфа (Иосифа Прекрасного); в мусульманской литературной традиции символизирует женскую красоту и неудержимую любовь» [11: С. 475].

ЛИТЕРАТУРА

Абашева М., Абашев В. Книга как симптом: Как сделан роман Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Новый мир. 2016. № 5. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2016/5/kniga-kak-simptom.html
Дата обращения: 30.03.2017.

2. *Бабель И.* Колывушка // И. Бабель. Собр. соч.: В 4 т. М.: Время, 2006. Т. 3. С. 158–166.

3. *Гете И.В.* Западно-восточный диван / Под ред. И.С. Брагинского. М.: Наука, 1988. - 895 с.

4. Коран / Пер. смыслов и коммент. Иман Валерии Пороховой. М.: РИПОЛ классик, 2004. - 800 с.

5. *Михайлов А.В.* Примечания // И.В. Гете. Западно-восточный диван / Под ред. И.С. Брагинского. М.: Наука, 1988. - С. 750.

6. *Навои А.* Язык птиц: Поэма. М.: Наука, 2007. - 384 с.

7. *Надира.* Избранные стихотворения. Ташкент, 1979. - 128 с.

8. *Назым Б.* Избранное. Ташкент, 1982. - 112 с.

9. *Пиотровский М.П.* Юсуф // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1991. - С. 226.

10. *Пиотровский М.П.* Юсуф // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 601.

11. Средневековая персидская проза / Пер. с перс.; сост. Н.Ю. Чалисовой; предисл. Н.Б. Кондыревой. М.: Правда, 1986. - 480 с.

12. *Тендряков В.* Хлеб для собаки. URL: <http://maxreferral.ru/referat/dlya-studenta/vladimir-tendriakov-khleb-dlia-sobaki-tekst/> Дата обращения: 30.03.2017.

13. *Увайси.* Избранное. Ташкент, 1981. - 160 с.

14. *Фуркат З.* Избранное. Ташкент, 1981. - 128 с.

15. *Яхина Г.Ш.* Зулейха открывает глаза: Роман. М.: АСТ: Редакция Елена Шубиной, 2016- 508 с.

GUZEL YAKHINA'S "ZULEIKHA OPENS HER EYES" AS A NOVEL ABOUT RETURNING

E.F. SHAFRANSKAYA

Moscow City Pedagogical University

The article raises the issues associated with the history and ethics of dispossession of kulaks and eviction of people from their native places in 1930s. Considered in the context of the twentieth century literature, the novel "Zuleikha opens her eyes" by Guzel' Yakhina contains symbolic names-concepts. The main attention is given to mythopoethics of the anthroponyms "Zuleikha" and "Yuzuf" and the toponym "Semruk".

Key words: *Guzel' Yakhina, Yusuf, Zuleikha, Simurg, mythopoethics.*